

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Развлечения
с риском
для жизни

МОСКВА

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!
МЫ В СОЦСЕТЯХ:
www.eksmo.ru
 vmirefiction
 read_action

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Художественный редактор *Е. Анисина*

Серова, Марина Сергеевна.
С32   Развлечения с риском для жизни / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-165369-9

Евгению Охотникову пригласили для охраны дочки бизнесмена Игоря Куликова, а через пару дней Кристину похитили. Женя выясняет, что девушка в школе почти ни с кем не общалась, предпочитая проводить время за книгами, за что одноклассники устроили на нее самую настоящую травлю. И вот Кристина пропала, а вместе с ней дорогой ноутбук и крупная сумма денег из сейфа. А через пару дней исчезла и ее одноклассница, главная зачинщица всех издевательств...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М.С., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2022

ISBN 978-5-04-165369-9

ПРОЛОГ

Она открывает глаза. Вокруг темно, ничего не видно — нет никаких очертаний и контуров предметов. Что произошло? Где она находится? Почему она ничего не помнит? И отчего так болит спина, руки и ноги?..

Она пытается пошевелиться, но не может этого сделать. Ее запястья крепко связаны за спиной чем-то тугим — может, веревкой, а может, проволокой. Малейшее движение причиняет ей боль. Она зовет на помощь, но ее крики тонут в глухой темноте.

Она вспоминает, что произошло до того, как она попала сюда, в эту комнату. Уже не кричит, не зовет на помощь, однако в наступившей тишине вдруг слышит странные звуки. Как будто что-то мерно капает — капли падают и разбиваются о пол с одинаковым промежутком времени. Она ничего не понимает — что это за вода, что за капли, где она, в конце концов, находится?

Ладно, к черту капли, надо вспомнить, как она сюда попала...

Видимо, она потеряла сознание, а может, ее ударили по голове, и поэтому она сейчас ниче-

го не помнит? Но кто и зачем это сделал? Что от нее хотят? Выкуп? Деньги?

Если так, то почему в эту комнату никто не приходит? Она сидит здесь уже давно — кажется, проходит целая вечность, руки и ноги затекли в одном положении. Она пытается рассмотреть хоть что-то, найти источник странного звука, но не видит абсолютно ничего.

Вдруг она ослепла? Вдруг она никогда ничего больше не увидит?

От этой мысли становится жутко. Невыносимо страшно. Она боится стать увечной, она боится лишиться чего-то, что дано ей изначально, она не хочет ничего менять в этой жизни. Жутко болит голова, а эти проклятые капли словно пробивают в мозгу дырку.

Кап. Кап. Кап.

— Помогите! — кричит она изо всех сил.

Но в ответ — только мерное капанье воды.

Кап. Кап. Кап.

Эти звуки сначала вызывают беспокойство. Они раздражают, злят ее, она громко кричит, но уже не молит о помощи. Сейчас она выкрикивает угрозы.

— Выпустите меня! Или вы пожалеете! Немедленно выпустите меня!

Но снова — лишь равномерное капанье воды.

Ярость проходит так же резко, как и началась. Вместо агрессивной злобы она чувствует лишь ужас и отчаяние. Она бы отдала что угодно, только бы не слышать это капанье, только бы оно прекратилось! Она боится вглядывать-

ся в темноту — ей кажется, что она видит чьи-то лица, бледные, как черепа, в которых зияют черные дыры глазниц. Черепа смеются над ней, и она понимает: скоро она тоже станет такой же, как и они.

Она плачет. Громко всхлипывает, рыдает навзрыд, молит о пощаде... Но потом ее крики и рыдания становятся все тише, и снова слышны звуки капающей воды.

Кап. Кап. Кап.

От этих звуков она сходит с ума. Ей кажется, что вода капает ей прямо в мозг, разъедает кожу головы, точно кислота, прожигая кровоточащую дыру...

«Пожалуйста, уберите эту воду, — молит она про себя. — Что угодно, только не капающая вода, пусть этот звук прекратится!..»

Она смотрит в темноту широко раскрытыми глазами, пытается кричать, но не может издать ни звука.

Она плачет, вот только вместо рыданий вырывается другой звук, похожий на жуткий, сумасшедший хохот.

Она понимает, что попала прямиком в ад.

И этот ад никогда не закончится.

ГЛАВА 1

Под убаюкивающую, сонную музыку дождя не хотелось вылезать из постели. Утро было серым, туманным и безрадостным — самая подходящая погода для ноября. Зима в этом году наступать не спешила, и весь город погрузился в плаксивую осеннюю меланхолию. Накануне я до полуночи смотрела фильмы, но утром по привычке проснулась в шесть часов. Что подедаешь, даже в собственные выходные я не позволяю себе спать долго, к тому же из кухни доносились ароматные запахи жареной яичницы с ветчиной.

Как я и думала, тетя Мила суетилась около плиты. Работал телевизор — тетушка привыкла смотреть передачи и сериалы «по старинке», пользоваться компьютером или ноутбуком она не хотела. Говорила, что это неудобно, да и не привыкла она к новым технологиям. Я неоднократно пыталась приучить тетю Милу к просмотру фильмов на ноутбуке, однако сделать это оказалось невозможным. Тетушка упорно игнорировала компьютеры, поэтому дома у нас было целых два телевизора — один на кухне, другой в ее комнате.

— Доброе утро, Женечка, — сказала она. — Садись, завтрак уже готов!

Я насыпала себе кофе в чашку, залила кипятком. Тетя положила в мою тарелку ароматно пахнущую яичницу с ветчиной, рядом поставила дико полезный и тем не менее вкусный сэндвич. Да, если бы не тетушкины старания, я бы питалась тостами да бутербродами на скорую руку, так как кулинарные способности отсутствовали у меня полностью, а задача сварить самый простой суп казалась мне попросту невыполнимой.

Что поделаешь, каждому свое. Зато у меня имелись другие таланты: к примеру, я владела приемами всех известных боевых искусств, обладала превосходными способностями к иностранным языкам и могла быстро освоить любой диалект. Что, собственно, очень пригодилось в моей работе телохранителя. Могу сказать без ложной скромности, что в Тарасове я, Евгения Охотникова, была лучшим профессионалом своего дела. Даже не сосчитаю число успешно раскрытых мною дел и количество спасенных жизней — ко мне обращались самые разные люди, и я делала все возможное и невозможное, дабы обезопасить своих клиентов.

Сейчас, правда, в моей бурной деятельности наступило затишье. Прошло уже полторы недели с момента завершения очередного дела, и пока никто ко мне не обращался за помощью. Хотя это и не удивительно — специфика моей работы такова, что четкого графика у меня нет. Бывает, за одним заказом следует другой, и я ра-

ботаю без выходных, двадцать четыре часа в сутки, в течение месяца, а то и больше. А случаются периоды, когда у меня выдается своеобразный отпуск — клиентов нет, и я провожу время за крайне бестолковым, с точки зрения тети Милы, занятием. То есть за просмотром фильмов. Тетушка никогда не понимала моего увлечения — ей сложно представить, что мне доставляет удовольствие целыми днями сидеть у себя в комнате и смотреть кино, прерываясь лишь на еду и сон.

Несмотря на то что тетя Мила гораздо старше меня, она старается вести активный образ жизни — посещает разнообразные культурные мероприятия, встречается с подругами, экспериментирует на кухне, вечерами рукодельничает. Я же, по ее мнению, в свободное время веду крайне скучный образ жизни. У меня нет близких друзей, с которыми можно отправиться по магазинам, да и шопинг я считаю крайне утомительным и бестолковым занятием. Я не пытаюсь познакомиться с представителями противоположного пола для создания крепкой семьи и всячески оберегаю свою свободу. Мне не интересны ни живопись, ни классическая музыка, ни театр, и это очень печалит тетю Милу. И еще — я терпеть не могу застолий и дружеских посиделок, но, несмотря на это, тетюшка не упустит возможности затащить меня на подобное мероприятие. Благо, когда я занимаюсь очередным заказом, тетя Мила меня не трогает — она знает, что в рабочее время я порой по-

являюсь дома только поздно вечером, а ухожу рано утром. Но вот в выходные она дает волю своей безудержной фантазии и изобретательности в попытках подыскать мне пару или обогатить мой внутренний мир посещением выставок или концертов.

Я не спеша завтракала, ожидая, какое развлечение придумает тетя Мила на сегодняшний день. Вчера мне удалось избежать похода в гости к ее давней подруге Елене Юрьевне — я сослалась на внезапную мигрень, которая по неведомой причине разыгралась с утра. Удивительно, но тетушка поверила, хотя плохое самочувствие — вещь, не свойственная мне с детства.

Но сегодня придется придумывать какую-то другую причину не составлять тете Миле компанию в ее мероприятиях. Я решила импровизировать на ходу, к тому же пока тетушка внимательно слушала новости по телевизору.

— Кошмар какой! — воскликнула она, всплеснув руками. — Женя, ты слышала, что творится?

— А что такое? — прожевав кусок ветчины, я посмотрела на экран.

Диктор, светловолосая барышня в бежевом костюме и в очках, вещала:

— Один человек погиб и четверо получили ранения различной степени тяжести после теракта с применением огнестрельного оружия в Старом городе в Иерусалиме в субботу, девятнадцатого ноября. По данным израильской полиции, нападение было совершено на Цепной

улице, которая расположена недалеко от Храмовой горы. Стрелявший террорист скрылся, ведется розыск. В Старом городе введены особые меры безопасности. По данным общей службы безопасности Израиля, стрелявшему было около двадцати лет, национальность преступника неизвестна. Расположенная с восточной стороны Старого города Иерусалима Храмовая гора — наиболее священное место для иудаизма, так как здесь находились Первый и Второй Иерусалимские храмы. Сейчас на горе находятся мечеть Аль-Акса и Купол Скалы. После мечети Аль-Харам в Мекке и Мечети Пророка в Медине гора считается третьей по святости. В последнее время Храмовая гора и прилегающие к ней улицы часто становятся местами терактов.

Новостная сводка прервалась рекламой. Тетушка все ужасалась:

— Нет, подумать только! Куда катится этот мир? Каждый день какой-нибудь теракт! Вчера вот сообщили, что шестнадцатилетний подросток напал на двух полицейских, нанес им ранения... Сегодня стрельбу открыли... И ведь террористы, считай, подростки! Им бы в школе или в техникуме учиться, а они стрельбу открывают...

— Ну, то в Израиле, — заметила я. — Что удивляться, там вечно что-нибудь происходит...

— И ты думаешь, в России терактов нет? — хмыкнула тетушка. — Еще как есть, по всему миру какая-то эпидемия насилия и жестокости... Да тебе ли это не знать, у тебя ведь работа такая, что всего насмотришься...

— Что верно, то верно, — пожала я плечами. — Куда деваться.

— Вот, я и говорю, Женя, пора тебе завязывать с твоей работой! Я ведь волнуюсь за тебя, переживаю! Нет бы семью создать, в твоём возрасте все уже замужем и с детьми! А ты что? Только работа да фильмы твои и больше ничего! Что у тебя за жизнь такая?

«Ну, началось», — подумала я про себя.

Сообщение о терроризме в Израиле внезапно перешло в обсуждение моей непутевой и ничемной жизни. Сейчас тетя Мила начнет придумывать, как устроить мое личное счастье и заставить меня отойти от дел. Могу поспорить, что она предложит мне познакомиться с очередным неженатым родственником ее какой-нибудь давней подруги...

— Спасибо за завтрак, — я встала из-за стола, стараясь прекратить неприятный для меня разговор. — Я в комнату!

— Женя, но ты ж не доела сэндвич! — всплеснула руками тетушка.

Я заверила ее, что уже наелась, а за сэндвичем зайду чуть попозже. Тетя еще что-то хотела сказать, но рекламная пауза закончилась, и тетушка стала внимательно смотреть новости.

Унылое серое утро перетекло в столь же безрадостный дождливый день. Я не горела желанием выходить из дома — как раз смотрела очередной триллер с лихо закрученным сюжетом. Фильм оказался настолько интересным, что полностью поглотил мое внимание, и я с не-

терпением ждала развязки. В триллере я нашла идеальным и сюжет, и подбор актеров, и подходящую тревожную музыку.

Даже не заметила, как зазвучала совершенно другая мелодия, не из фильма. Сперва я подумала, что тетя Мила громко включила телевизор — так, что звук прорвался даже через мои наушники, но потом поняла, что музыка раздаётся в моей комнате.

Я поставила фильм на паузу, сняла наушники и взяла в руки свой мобильный телефон.

Сотовый разрывался от чых-то упорных попыток дозвониться до меня. Номер был незнаком — значит, звонил либо потенциальный клиент, либо кто-то просто ошибся. Последнее случалось довольно редко, поэтому я приготовилась к тому, что мне предстоит заняться очередным делом.

Я взяла трубку и проговорила:

— Слушаю вас.

— Здравствуйте, — ответил незнакомый мужской голос.

Я предположила, что моему собеседнику должно быть около сорока — сорока пяти лет. По крайней мере, таковым было мое первое впечатление.

— Могу я поговорить с Евгенией Охотниковой? — поинтересовался незнакомец.

— Я вас внимательно слушаю, — отозвалась я. — Чем могу быть полезна?

— Меня зовут Игорь Сергеевич Куликов, — представился мужчина. — Мне вас рекомендо-

вали как лучшего специалиста в Тарасове, поэтому я хочу обратиться к вам за помощью. Мне нужно, чтобы вы сопровождали мою дочь в одной поездке. Вы ведь выезжаете за пределы Тарасова?

— Если требуется, то да, — проговорила я. — Но сперва мне надо узнать подробнее, в чем состоит ваша проблема.

— Я понимаю, — сказал Игорь Сергеевич. — Но боюсь, по телефону рассказывать не очень удобно. Такие дела обсуждаются при личной встрече.

— Согласна, — коротко ответила я. — Мы можем с вами встретиться, сегодня у меня найдется свободное время. Скажите, где и когда вы хотите со мной побеседовать.

— Я сейчас нахожусь на работе, освобожусь только вечером, — задумчиво проговорил Куликов. — Но среди дня я могу выкроить час времени, скажем, в обед. Вы сможете приехать к Театральной площади к часу дня? Там есть неплохое кафе с итальянской кухней, где можно и пообедать, и поговорить.

— Хорошо, говорите название и адрес кафе, — произнесла я.

— Кафе называется «Изабелла», находится оно на улице Театральной, дом сорок пять, — сообщил Игорь Сергеевич. — Я буду там в час дня.

— Хорошо, я подъеду к кафе, — пообещала я, глядя на часы на своем ноутбуке.

Почти двенадцать — как раз успею одеться и добраться до Театральной площади.

— Тогда до встречи, — проговорил Куликов и отключился.

Я занесла номер в память своего мобильного телефона и стала собираться.

Что ж, придется смириться с тем фактом, что фильм я до конца так и не досмотрю. По крайней мере, сегодня.

Дождь лил не переставая, на дорогах образовались пробки — увы, в Тарасове ливень осенью приравнивается к природной аномалии, и заторы появляются практически на всех проезжих улицах.

Несмотря на это, я не опоздала — припарковала свой автомобиль на стоянке возле кафе, когда часы показывали без десяти час. По долгу службы я частенько бываю в самых разных кафе и ресторанах Тарасова, так как обычно клиенты предпочитают встречаться не дома, а где-нибудь на нейтральной территории. Редко кому приходит в голову общаться с телохранителем в торговом центре или в парке — чаще всего разговаривать предпочитают в кафетериях или ресторанах. Игорь Сергеевич не стал исключением, но по выбору кафе я заключила, что Куликов — довольно состоятельный человек, так как в ресторанчике с превосходной итальянской кухней цены были весьма высокими, и человек со средним достатком явно не стал бы здесь обедать.

Я уже бывала в этом кафе, поэтому знала и ассортимент блюд, и расценки на них.

Войдя в заведение, я быстрым взглядом окинула помещение. В час дня народу здесь почти не было, только за столиком у окна сидели две женщины среднего возраста, судя по всему, подруги, встретившиеся для приятного времяпрепровождения.

«Значит, Куликов еще не подъехал», — подумала я про себя.

Я выбрала столик в глубине зала — чтоб никто не мешал нашему разговору.

Сняв легкую кожаную куртку, я уселась на мягкое кресло. Ко мне тут же подошла официантка в фирменной униформе и с вежливой улыбкой положила передо мной меню. Я заказала эспрессо и отпустила девушку. Та удалилась с такой же заученной улыбкой, а я принялась листать книжку с перечнем блюд и напитков, поглядывая на входную дверь.

Ровно в час дня в кафе зашел высокий мужчина в сером брючном костюме и с кожаной сумкой-чемоданчиком. Он быстро оглядел кафе, потом заметил меня и, немного поколебавшись, подошел к моему столику.

— Добрый день, — поздоровался он. — Простите...

— Здравствуйте, вы ведь Игорь Сергеевич Куликов, верно? — уточнила я. — Вы со мной разговаривали по телефону.

— А вы, значит, Евгения Охотникова, простите, не знаю, как вас по отчеству, — догадался мужчина.

— Можете называть меня по имени, не люблю формальностей, — заметила я.

Игорь Сергеевич опустился на кресло напротив меня, положив свой чемоданчик себе на колени.

Мое предположение по поводу возраста мужчины не оказалось ошибочным — он и выглядел на сорок с небольшим лет. Немного полноватый, про таких говорят — солидный, — он производил впечатление человека, не привыкшего много говорить и ценившего каждую секунду своего времени. Судя по всему, он либо занимает руководящее положение на фирме, либо у него свой собственный бизнес. Представить этого человека в роли обычного офисного служащего было сложно, к тому же, как я говорила раньше, Куликов явно не нуждается в деньгах. Об этом говорил не только выбор кафе, но и его одежда. Костюм был явно дорогим, я с первого взгляда определяла материальный достаток человека по одежде и аксессуарам. К примеру, кожаный чемоданчик, который Куликов держал на коленях, стоил не одну тысячу долларов. Интересно, какие проблемы заставили Игоря Сергеевича обратиться к телохранилищу?..

Подошла официантка, принесла мой кофе и вежливо спросила у нас, что мы будем заказывать. Куликов, видимо, не раз здесь обедал — он не стал смотреть меню, сразу определился с выбором блюд.

— Принесите, пожалуйста, порцию равиоли, креветки на гриле, один кусок пиццы и эспрессо, — проговорил Игорь Сергеевич.

Про себя я отметила, что Куликов любит вкусно и сытно поесть — выбранные им блюда назвать диетическими было трудно.

Я решила не отставать и заказала то же самое, что и Игорь Сергеевич. Официантка записала наши пожелания на листочек и отправилась выполнять заказ.

— Готовят здесь изумительно, — заметил Куликов, глядя на меня. И, совершенно не делая перехода от одной темы к другой, произнес: — Я совсем иначе представлял себе женщину-телохранителя. Глядя на вас, ни за что не догадаешься о вашей профессии.

— Возможно, — усмехнулась я. — А вы ожидали, что я заявлюсь в кафе в бронежилете, вооруженная до зубов?

— Нет, конечно, — покачал головой тот. — Даже не знаю, как сказать...

— Ладно, оставим мою внешность, — прервала его я. — Давайте перейдем к сути дела. Вы говорили, что хотите нанять меня, дабы я сопровождала вашу дочь в какой-то поездке, верно?

— Да, все так, — кивнул Куликов. — Вы правы, не будем терять время. У меня есть дочь, Кристина. Она учится в одиннадцатом классе, в этом году будет поступать в университет. Через пять дней Кристина должна ехать с классом в Санкт-Петербург на неделю. Во время поездки детям будут проводить экскурсии, водить их

по музеям и достопримечательностям города. И я хочу, чтобы вы сопровождали мою дочь во время этого путешествия.

— Не думала, что во время школьной поездки родители нанимают для своих детей телохранителя, — заметила я. — Старшеклассники едут одни? Без классного руководителя?

— Конечно же, их будут сопровождать учителя, — возразил Игорь Сергеевич. — С ними едет классный руководитель Жанна Петровна и учитель английского языка Анастасия Юрьевна.

— Тогда зачем вашей дочери нужны мои услуги? — поинтересовалась я. — Или вы боитесь чего-то конкретного? Вашей дочери угрожают? Или на нее кто-то нападал?

— Нет, к счастью, ничего подобного не было, — покачал головой Куликов. — Просто понимаете, Кристина... Она очень необщительная девушка. У нее нет друзей среди одноклассников, да и вообще, она ни с кем из сверстников не общается. Кристина, как бы так сказать, совсем не приспособлена к жизни. Она часто витает в облаках, чересчур рассеянна, про таких говорят «не от мира сего». Она запросто может заблудиться в незнакомом городе или попасть в какую-нибудь неприятную историю. Поэтому я и хочу, чтобы вы проследили, чтоб с моей дочерью ничего не случилось.

— И это все? — удивилась я. — То есть вы просто беспокоитесь за дочь, поэтому хотите, чтобы ее сопровождал телохранитель?

М. Серова

■ — Можно сказать и так, — пожал плечами

Игорь Сергеевич. — К тому же... да нет, это не имеет значения...

— Вы что-то хотели сказать, — я внимательно посмотрела на мужчину.

Тот избегал смотреть мне в глаза. Я нахмурилась.

— Игорь Сергеевич, прошу меня извинить, но я не могу браться за дело, если считаю, что оно не требует услуг телохранителя. Если вашей дочери ничего не угрожает, кроме того, что она может отбиться от группы по причине собственной невнимательности и рассеянности, присутствие возле нее телохранителя-профессионала я считаю лишним. Лучше попросите классного руководителя Кристины или преподавателя английского, чтобы они лучше следили за вашей дочерью.

— Я готов заплатить вам любую сумму, какую назовете, — заявил Куликов. — Важнее всего для меня безопасность моей дочери.

— Понимаю, — кивнула я.

Игорь Сергеевич с надеждой уставился на меня.

Я продолжала:

— В Тарасове есть немало телохранителей, которые согласятся ехать куда угодно и когда угодно за приличный гонорар. Думаю, если вы обратитесь к другому специалисту, то останетесь довольны. Но я не могу согласиться на ваше предложение. Вы ведь хотите, чтобы я ехала в другой город, провела там неделю, шатаюсь с толпой старшеклассников по музеям культур-

ной столицы. Конечно, каникулы в Санкт-Петербурге вещь заманчивая, но что, если во время моего «отпуска» кому-то в Тарасове действительно понадобится моя помощь? Смею вас заверить, ко мне обращаются часто, многим людям требуются услуги телохранителя, многим действительно угрожает реальная, а не воображаемая опасность. В то время, пока я буду развлекать вашу дочку, кого-то могут убить по той простой причине, что у человека не было возможности нанять профессионала вроде меня. Не подумайте, что я набиваю себе цену, просто хочу, чтобы вы поняли мою позицию.

— Я все понимаю, — вздохнул Куликов. — Но дело в том, что я не просто беспокоюсь за свою дочь. Боюсь, ей и в самом деле что-то или кто-то угрожает.

— А вот с этого момента поподробнее, — попросила я.

Тем временем официантка принесла наш заказ. Блюда выглядели не просто красиво — они являли собой настоящее произведение кулинарного искусства. Равиоли — итальянские пельмени из макаронных листов с начинкой — пахли так ароматно, что мой рот непроизвольно наполнился слюной.

Однако ни я, ни Куликов к еде не притронулись. Игорь Сергеевич колебался, видимо, не знал, с чего начать свой рассказ, я же ждала, когда он наконец-то поведает мне всю историю.

— Если вы не возражаете, я расскажу немного о нашей семье, — наконец произнес он. —

Крестину я воспитываю один — с ее матерью Инной я развелся давно, она укатила за границу с любовником, когда Крестине было два года. Ни разу за все эти годы Инна не позвонила мне и не узнала, как дела у ее дочки. Словом, моя бывшая жена полностью вычеркнула и меня, и Крестину из своей жизни. Я во второй раз так и не женился, воспитывал Крестину как мог... Возможно, я неидеальный отец, возможно, я не смог сделать так, чтобы у моей дочки было счастливое детство, но в этом не моя вина. Увы, мне приходилось и приходится много работать, чтобы Крестина ни в чем не нуждалась, и может, поэтому дочь выросла такой замкнутой и необщительной. У Крестины никогда не было подруг, она не испытывала потребности в общении с другими детьми. И со мной она никогда не откровенничала, не говорила «по душам». Не думайте, что я не пытался наладить отношения с дочерью — я расспрашивал ее про ее учебу, летом брал отпуск, и мы вдвоем с дочкой ездили на море... Но Крестине словно ничего не интересно, кроме ее книг. Она и на курорте, где все загорают, купаются в море, сидела в номере и читала свои книжки. Она словно закрыта в своем непробиваемом панцире, откуда ее вытащить просто невозможно... Не знаю, что у нее творится на душе, о чем она думает, что она хочет от жизни — мне все это неизвестно. Словом, мне пришлось смириться, что Крестина такая, какая есть, и я оставил попытки достучаться до нее и вызвать ее на откровенность.

Он замолчал, видимо, ожидая моей реакции. Я пожала плечами и заметила:

— Люди бывают разные. Кто-то экстраверт, ни дня не может прожить без шумной компании, а кто-то — интроверт, как ваша дочь. Вы с этим ничего не сможете сделать, с этим придется смириться.

— Именно так я и подумал, — кивнул Куликов. — И, собственно, привык к подобному положению вещей. До тех пор, пока не стал замечать некоторые странности.

— Какие же? — с интересом посмотрела на него я.

— Во-первых, вещи дочери, — проговорил Игорь Сергеевич. — Я стараюсь покупать дочери хорошую, качественную одежду, у нее есть дома ноутбук последней модели, компьютер, айфон взамен ее старого телефона. Но недавно я узнал, что новым телефоном дочь не пользуется — она таскает в школу старый мобильный, несмотря на то, что он уже устарел. Я спросил Кристину, почему она так делает, но дочь попросту сказала, что не хочет пользоваться айфоном. Странно, правда?

— Я в этом ничего такого особенного не вижу, — возразила я. — Может, Кристина привыкла к старому мобильному, вот и не хочет пользоваться другим телефоном.

— Это справедливо для людей старшего возраста, — хмыкнул Игорь Сергеевич. — Нынешние подростки выросли со смартфонами в руках, и никто не станет пользоваться старым мобиль-

ником вместо нового! Ладно, это не единственная странность.

— Что еще? — поинтересовалась я.

— Кристина не носит новые вещи, — продолжал Куликов. — Вообще. То есть я покупаю ей новую куртку, новую обувь, но она ходит в старых вещах. Она не надевает новую одежду в принципе. Я не знаю, почему и с чем это связано, но когда я пытался поговорить с дочерью, та устроила истерику. Наверно, впервые за много лет. Кристина всегда держит в себе свои эмоции — хотя я иногда сомневаюсь, что у нее они вообще есть... А тут на мой простой вопрос она вдруг разрыдалась, да так, словно у нее умер кто или случилось невесть какое горе... Я, наверно, час не мог ее успокоить, пришлось даже заставить ее выпить валерьянку... И, наконец, еще одна странность. Понимаете, у нас дома всегда тепло, даже жарко. Летом — прохладно из-за кондиционеров, а зимой тепло, можно в футболке или майке ходить по дому. Однако в последнее время Кристина всегда дома носит одежду с длинными рукавами. Всегда.

— Полагаете, она не хочет, чтобы кто-то видел ее руки? — предположила я. — Думаете, она наркоманка?

— Нет, во всяком случае, я не уверен, — покачал головой Игорь Сергеевич. — Кристина не похожа на наркоманку, ведь, помимо следов от уколов, наркомана выдают другие признаки. Зрачки у нее нормальные — не узкие и не расширенные, кожа не бледная, проблем с аппети-

том нет... Да и поведение обычное, если не считать той истерики. Я уже говорил, что моя дочь довольно необщительный человек, она не похожа на других девушек ее возраста. Даже представить себе не могу ситуацию, в которой Кристина скажет больше двух предложений по собственной воле.

— Да уж, ваша дочь — прямо-таки уникам, — заметила я. — Редко, когда встретишь неболтливую женщину.

— Вот-вот, Кристина явно не в мать пошла, — подтвердил Куликов. — Инна — полная противоположность дочери. Уж кто-кто, а моя бывшая жена больше всего любит поболтать. Совершенно не важно, о чем — помню, меня раздражало то, что Инна никогда не замолкает. Вообще. Хотя любая крайность — зло, Кристина меня порой пугает. Сидишь вроде с живым человеком, но при этом ни о какой беседе за ужином и речи идти не может. Кристина вообще никогда ни о чем мне не рассказывает — если я спрашиваю, как дела в школе, она всегда ограничивается одним-единственным словом — «хорошо». Я интересуюсь, о чем книга, которую она читает, но дочь не вдается в подробности. Коротко сообщит название и автора, и на этом все. Разговор окончен. Если я спрашиваю, куда дочь хочет поехать летом, она попросту пожимает плечами. То ли ей все равно, то ли она никогда не хочет ехать, то ли у нее нет никакого желания общаться со мной. Наверно, лучше, если бы дочь походила на мать. Пусть лучше несет

всякую легкомысленную чушь, чем сидит как мумия...

— Ладно, вернемся к странностям Кристины, — прервала его я. Психологический портрет дочери Игоря Сергеевича был мне более-менее понятен, сейчас я хотела узнать более важную информацию о дочери Куликова. — Вы не спрашивали дочь, почему она в теплой квартире носит рубашки с длинными рукавами?

— Спрашивал, — пожал плечами Игорь Сергеевич. — Кристина говорила, так ей удобнее.

— Скажите, а ваша дочь всегда была молчаливой? — продолжала расспрашивать я. — Или что-то случилось с ней в детстве? Вспомните, быть может, была какая-то психологическая травма? Или уход матери каким-то образом повлиял на психическое состояние девушки?

— Так Кристина мать и не помнит, — покачал головой Куликов. — Инна ведь бросила нас, когда Крис была совсем малышкой. Нет, с дочкой ничего не происходило экстраординарного. Она просто привыкла быть одна, поэтому и не научилась нормально общаться с людьми.

— Неужели у вашей дочери никогда не было подруг? — изумилась я. — В детский сад она ходила? Или дома сидела?

— Ходила, — кивнул Игорь Сергеевич. — Хотя я не хотел отдавать дочь в детский сад, но пришлось. Сам я на работе пропадал, поэтому решил, что так для Кристины будет лучше.

— И что воспитатели говорили? Она общалась с другими детьми?

— Не особо, — наморщил лоб Куликов. — В основном дочь играла в одиночестве. В школе тоже ни с кем не сдружилась. А кроме школы она никуда не ходит. Дополнительные кружки Кристину не интересовали, хотя я пробовал записать дочку и на танцы, и в художественную школу, и в музыкальную. Но ни к чему из вышеперечисленного дочь интереса не проявляла. Она не хотела ни музыкой заниматься, ни рисованием. Единственное, что нравится дочери, — это чтение.

— А как Кристина относится к собственной внешности? — поинтересовалась я. — Она пользуется косметикой? Придерживается какой-либо диеты?

— Нет, косметикой дочь не интересуется, — покачал головой Игорь Сергеевич. — Диетами Кристина тоже не увлекается, она ест то же самое, что и я. Дочь сама готовит — у меня на это просто нет времени. Иногда мы заказываем еду на дом, но не часто. Особых кулинарных способностей у Кристины нет, но сварить суп или приготовить второе она вполне в состоянии. Не думаю, что ей это доставляет удовольствие — по крайней мере, изысканных блюд дочь не готовит.

— Обычно одежду с длинными рукавами носят, если хотят скрыть какие-либо повреждения на руках, — заметила я. — Вы, наверно, слышали о таком понятии, как «селфхарм». Самоповреждение, говоря русским языком. Я потому и спросила о том, как Кристина относится к собственной внешности. Бывает, что подрост-

ки и молодые девушки сами себя за что-то наказывают, режут себе руки или вскрывают вены, если говорить о совсем запущенных случаях. У Кристины не было суицидальных попыток?

— Нет, зачем ей это? — искренне изумился Игорь Сергеевич. — На свою жизнь дочь никогда не жаловалась, ее все устраивает. Деньги на карманные расходы я ей выдаю, учиться на одни пятерки не заставляю. У Кристины и так прекрасная успеваемость, мне кажется, что она все схватывает на лету. Мать свою она не помнит, для нее это норма — неполная семья. И потом, если б Кристина пыталась свести счеты с жизнью, мне было бы об этом известно. Я не настолько плохой отец, что не забочусь о своем ребенке. К тому же длинные рукава — это какая-то странность, не более. Я потребовал, чтобы Кристина засучила рукава до локтя, но у нее нет никаких повреждений, о которых вы говорите. Нормальные руки, и только...

— Вы попросили дочь засучить рукава сразу, как только заметили ее предпочтение к одежде, скрывающей руки? — поинтересовалась я.

— Нет, сперва я просто спрашивал ее, почему она ходит по дому в водолазках, — ответил Куликов. — Кристина ничего, кроме того, что ей так нравится, не говорила. В конце концов я стал подозревать, что она делает себе инъекции, решил, что дочь — наркоманка, и открыто потребовал показать мне руки. Кристина разозлилась и засучила рукава, ее возмутило мое подозрение. Никаких следов от уколов не было. ■

Но одежду свою она не сменила — так и продолжает ходить.

— Странно... — задумчиво проговорила я. — Но, возможно, есть какая-то причина, по которой ваша дочь ведет себя непонятно. Порой сложно догадаться, что на уме у подростка, со стороны может казаться, что у него нет проблем, хотя на самом деле все иначе. Мало ли — неразделенная любовь, отсутствие друзей, недовольство окружающим миром... Насколько я могу судить, ваша дочь сознательно отгораживается от действительности, погружаясь в иллюзорный мир книг. То есть ей комфортнее находиться в другой, нереальной вселенной. А вот почему она это делает — я не знаю. Быть может, она чувствует себя одинокой, так как не может наладить отношения с другими людьми. Естественно, замкнутый и необщительный человек вряд ли станет знакомиться с кем-то или банально поддерживать диалог с одноклассниками. Возможно, к ней плохо относятся в школе, ведь Кристина не похожа на других девушек. А всем известно, что «белых ворон» не любят. Или ей попросту скучно жить — этот вариант тоже имеет право на существование.

— Даже не знаю, что и сказать... — пробормотал Игорь Сергеевич. — Я не могу ничего утверждать наверняка. Думаю, если вы сами попытаетесь поговорить с Кристиной, то сделаете какие-то выводы. Но теперь вы понимаете, что я не просто так хочу вас нанять? Вы ведь поедете с Кристиной в Санкт-Петербург?

— Для начала я все-таки хотела бы увидаться с вашей дочерью и побеседовать с ней, — сказала я. — Быть может, Кристина и в самом деле что-то скрывает, но, возможно, ничего плохого с девушкой не происходит. Кто знает — вдруг она стесняется своих рук, вот и носит одежду, скрывающую тело. Мало ли девушек с похожими комплексами...

— Ну а почему тогда она не пользуется новыми, хорошими вещами? — Игорь Сергеевич внимательно посмотрел на меня. — Она что, стесняется, что ли? Бред какой-то...

— Почему же? — удивилась я. — Может, Кристине не хочется выглядеть дочкой богатого отца, в этом нет ничего удивительного. Или она попросту боится, что новый мобильник отнимут или украдут, вот и не берет его.

— Кристина ходит в нормальную школу. Там учатся нормальные дети, никто ничего воровать не станет. Я не отдал бы свою дочь в непонятное учебное заведение!

— И все же всякое случается, — заметила я. — Но утверждать что-то наверняка я не могу, пока не поговорю с самой Кристиной. Скажите, вы могли бы устроить нашу встречу?

— Конечно, — кивнул Игорь Сергеевич. — Только я не хотел бы, чтобы моя дочь узнала, что я нанял для нее телохранителя. Ей это явно не понравится.

— Представьте меня своей знакомой, — предложила я. — Скажем, коллегой по работе. Ну, или преподавателем иностранных языков, ■

совсем необязательно говорить Кристине, что я телохранитель.

— Хорошо, — кивнул Куликов. — Если вам удобно, можете приехать к нам домой сегодня вечером. Я постараюсь раньше освободиться с работы и к семи часам быть дома.

— Меня это устраивает, — произнесла я. — К семи вечера подъеду, куда скажете.

— Отлично, — произнес Игорь Сергеевич. — Записывайте адрес...

Он продиктовал название улицы и номер дома, я занесла данные в память своего мобильного телефона.

Покончив с делами, мы наконец-то принялись за еду. Несмотря на то что равиоли уже остыли, обед оказался выше всяких похвал. Итальянские блюда готовили в «Изабелле» изумительно...

ГЛАВА 2

Ровно в семь вечера я припарковала машину у дома номер два на улице Верхней и позвонила Куликову. Игорь Сергеевич сразу взял трубку и сказал, что он уже подъезжает. Вскоре я увидела темно-синюю иномарку, которая въехала во двор дома и остановилась неподалеку от моей машины. Из автомобиля вышел сам Куликов, и мы вместе отправились к нему домой.

Игорь Сергеевич жил с дочерью в просторной трехкомнатной квартире практически в центре города. Дом был новой девятиэтажкой с чисты-

ми подъездами и комфортабельным лифтом, на котором мы поднялись на третий этаж. Куликов сам открыл дверь, в домофон он почему-то не позвонил.

— Кристина точно дома? — поинтересовалась я, на что Игорь Сергеевич коротко кивнул и пояснил:

— Скорее всего, она либо делает домашнее задание, либо читает книжку. Я всегда сам открываю дверь, естественно, Кристина дома. Она мне написала в два часа дня, что пришла из школы. Вечерами дочь никуда не ходит, я же говорил, она замкнутый человек.

Он открыл входную дверь, и мы зашли в светлую прихожую. Сразу было видно, что в квартире произведен евроремонт, и порядок в доме поддерживался идеальный. Верхняя одежда аккуратно висит на вешалках, обувь находится на специальной этажерке, большое зеркало вычищено до блеска.

У меня создалось ощущение, что каждый день в квартире производится тщательная генеральная уборка, а обитатели дома скрупулезно поддерживают чистоту.

— Скажите, за порядком в доме следит ваша дочь? — тихо поинтересовалась я.

— Раз в неделю я вызываю специалиста из клининговой компании, — пояснил Игорь Сергеевич. — В квартире год назад я сделал ремонт, обновил мебель и технику. Люблю, когда и дома, и на работе все убрано и лежит на своих местах.

— Вот как, — протянула я, аккуратно ставя свою обувь на тумбочку.

Куликов предложил мне пройти на кухню — они с дочерью не привыкли ужинать в гостиной, на кухне обоим было гораздо комфортнее.

Кухня напоминала картинку из модного журнала — светлая, современная, стильная. Видимо, Куликовым очень нравились пастельные тона — светло-бежевые обои, белые шкафы для посуды и стол со стульями, большой холодильник, кухонная техника, которую словно только что купили и которой ни разу не пользовались...

Я усомнилась, что уборщица наводит порядок в квартире только раз в неделю. Если Кристина сама готовит еду, мультиварка и плита не выглядели бы так, точно к ним еще ни разу не прикасались. Или девушка каждый раз тщательно моет за собой все, что было использовано во время готовки.

— Я сейчас позову Кристину, вы присаживайтесь, — Куликов кивнул на белый стул, а сам отправился за дочерью.

В кухне и в самом деле было жарко, я порадовалась, что на мне футболка, а не свитер, в котором я бы точно запарилась.

Я уселась на сиденье, думая про себя, что мне было бы некомфортно жить в такой чересчур идеальной квартире. Прямо не дом, а музей чистоты, разве можно в такой квартире расслабиться и нормально отдохнуть?

Создавалось впечатление, что обитающие здесь люди живут по установленному строго-

му порядку. Не смотрят фильмы во время еды, так как это неправильно, не оставляют посуду в раковине, а сразу тщательным образом моют за собой все тарелки и ложки, занимаются работой и учебой в строго определенном для этого месте, не приглашают гостей и даже не заводят домашних животных... Даже на стенах я не увидела ни фотографий, ни картин — ровным счетом ничего, что могло бы внести живой элемент в безупречную чистоту. Поверить в то, что в этой квартире живут отец с семнадцатилетней дочерью, казалось просто невозможным.

Похоже, Куликов прав, и Кристина на самом деле этакий робот, а не юная девушка, которая сейчас должна наслаждаться жизнью, влюбляться, мечтать, радоваться...

Наконец в кухню вошли Игорь Сергеевич и невысокая светловолосая девушка, одетая в черную водолазку с длинными рукавами и такие же черные штаны. Я сразу отметила, что отец с дочерью совершенно не похожи: он — высокого роста, плотного телосложения, она, напротив, казалась хрупкой и маленькой по сравнению с Куликовым.

Я всмотрелась в лицо Кристины, пытаясь отметить характерные особенности ее внешности. Красавицей назвать девушку было сложно, про таких обычно говорят — «серая мышка». Невыразительные серые глаза, неяркие губы, прямой нос, который придавал ее лицу строгое, даже суровое выражение, и невысокий лоб, который девушка не пыталась скрыть челкой. Вроде по

отдельности эти черты казались красивыми, но в целом они не складывались в гармоничную внешность.

Сложно было сказать, почему лицо Кристины производило странное впечатление. Я не понимала, что не так во внешности девушки, почему она кажется мне какой-то безликой. Однако спустя некоторое время до меня дошло, в чем дело. Лицо девушки было лишено выражения. На нем полностью отсутствовали какие бы то ни было эмоции, и поэтому оно напоминало восковую маску. Трудно было поверить в то, что Кристина может смеяться или хотя бы улыбаться — она была похожа на механическую куклу, которая не имеет ни собственных мыслей, ни эмоций.

— Кристина, познакомься, это Женя, — представил меня Куликов своей дочери. — Моя давняя знакомая. Прости, не предупредил тебя, что у нас сегодня гости. Я случайно встретился с Женей, мы разговорились, и она сказала, что... что хочет с тобой поговорить.

— Ясно, — безо всякого выражения проговорила девушка.

Я отметила, что она не выразила ни удивления, ни недовольства — ровным счетом ничего, точно меня вовсе не существовало. Для Кристины, похоже, я была чем-то вроде мебели — нового стула или табуретки.

— Кристина, я очень рада нашему знакомству! — мне пришлось взять инициативу в свои руки. — Твой папа очень много мне о тебе рас-

сказывал. Он говорил, что ты очень любишь читать книги, верно?

На этот раз Кристина не стала утруждать себя ответом — только сухо кивнула.

— Ты ведь скоро заканчиваешь школу? — продолжала я, на ходу сочиняя правдоподобную историю, чтобы хоть как-то заинтересовать девушку. — Ты ведь в одиннадцатом классе учишься, так?

Снова кивок. Ладно, по крайней мере, Кристина хотя бы меня слушает, а это радует.

— Ты уже думала, куда будешь поступать? В какой университет? — поинтересовалась я.

Кристина неопределенно пожалала плечами.

— Скорее всего, на филологический факультет, — включился в наш «диалог» Куликов.

Я испытующе посмотрела на девушку.

— Ты хочешь быть филологом? — уточнила я.

Кристина неуверенно кивнула.

— Замечательно! — воскликнула я. — Знаешь, мне как раз нужен человек, который хорошо разбирается в книгах. Скажи, какую литературу ты предпочитаешь?

«По крайней мере, на этот вопрос невозможно ответить однозначно», — подумала я про себя.

Кристине все же придется разговаривать со мной, хочет она того или нет. В своей практике я сталкивалась с разными людьми, встречались мне и молчаливые субъекты вроде дочери Игоря Сергеевича, из которых каждое слово приходилось вытаскивать клещами. Пока я прощупыва-

ла почву, пытаюсь найти подход к неразговорчивой девушке. Правда, мне несколько мешало присутствие ее отца, который стоял рядом с дочерью, точно истукан.

Кристина не сразу ответила на мой вопрос по поводу своих предпочтений в литературе. Потом произнесла:

— Разную.

— Превосходно! — воскликнула я, точно девушка только что доказала чрезвычайно сложную теорему. — Какие жанры тебе больше всего нравятся?

Вопрос, похоже, поставил девушку в тупик. Я заподозрила, что Кристина, возможно, страдает аутизмом, только так можно было объяснить ее манеру общения. Точнее, не общения, а молчания. Интересно, а Игорь Сергеевич об этом догадывался? Что, если все дело в заболевании девушки? Тогда все становится понятным — и ее странности, и отсутствие друзей...

Я собиралась наедине расспросить Куликова о том, водил ли он дочь к психиатру, так как все признаки болезни были налицо. И как я сразу об этом не подумала?..

— Кристина, может, вы поговорите с Женей в вашей комнате? — неожиданно предложил Куликов. — Я пока разогрею ужин. Ты что-нибудь приготовила сегодня?

— Да, в холодильнике картошка с жареной курицей, — к моему удивлению, Кристина выдала фразу, состоящую более чем из двух слов.

■ Меня это несколько обескуражило. Быть может,

девушка попросту не хочет со мной разговаривать?..

— Отлично! — бодро заметил Игорь Сергеевич. — Идите в комнату, я разогрею ужин и позову вас, хорошо?

Не ответив на его последнюю фразу, Кристина развернулась и вышла из кухни. Я пошла следом за ней.

Комната дочери Куликова была обставлена в том же стиле, что и кухня с прихожей. Светлые стены, чистые полы, отсутствие «лишних» деталей. Отличался лишь набор мебели, однако минимализм сохранялся. Обстановку составляли застеленная белым покрывалом кровать, письменный стол у окна с ноутбуком последней модели и учебниками, лежащими в стопке, книжный и платяной шкафы. Больше ничего в комнате девушки не было, никаких милых девичьему сердцу вещей вроде мягких игрушек или сувениров.

«Прямо-таки спартанская обстановка», — подумала я про себя.

— У тебя здесь красиво, — заметила я, чтобы нарушить наступившую тишину.

Кристина, не ответив мне, уселась на стул возле письменного стола. Мне девушка присесть не предложила.

Я собиралась продолжить нашу странную беседу, однако Кристина вдруг резко обернулась ко мне и проговорила:

— Будет лучше, если вы вернетесь на кухню. Я гостей не ждала.

Надо же, а девица, выходит, разговаривать умеет. Только не хочет. Я была права — она не собирается со мной общаться. Но меня это не остановило — я лишь улыбнулась и заметила:

— Я это поняла. Что ж, если ты не хочешь со мной разговаривать, сразу перейду к делу. Мне нужен помощник, точнее, помощница. Человек, который разбирается в литературе, способен работать с информацией и...

— Рада за вас, — весьма бесцеремонно оборвала меня Кристина. — Мне не интересны ваши проблемы. У меня нет ни времени, ни желания все это слушать.

Она посмотрела мне в глаза, и в ее взгляде я увидела столько холодной, злой ярости, что даже удивилась. С чего вдруг девчонка так открыто меня ненавидит? Мы с ней едва знакомы, однако я явственно ощущала, что Кристина испытывает ко мне такие сильные негативные чувства, словно я смертельно обидела ее.

— Прости, если я отвлекаю тебя, — спокойно проговорила я. — Поверь, я не желаю тебе зла! Наоборот, я хочу помочь тебе...

— Мне ваша помощь не нужна! — прошипела девушка и резко повернулась ко мне спиной.

Она сосредоточенно что-то смотрела на своем ноутбуке, всем своим видом показывая, что не собирается обращать на меня никакого внимания. Я попыталась окликнуть ее, однако девица попросту игнорировала меня. Признаться, я была обескуражена. Я не понимала, поче-

му мои безобидные слова вызвали столь резкий негатив у девушки.

Наш странный разговор прервал Куликов — он звал нас ужинать. Я вышла из комнаты, думая, что Кристина не пожелает присоединиться к вечерней трапезе, однако ошиблась. Вслед за мной девушка тоже покинула комнату. Как ни в чем не бывало она зашла вместе со мной на кухню и села на стул. Игорь Сергеевич накладывал еду в тарелки.

— Вы поговорили? — весело спросил Куликов.

Он старался выглядеть радушным хозяином, однако я заметила, что его веселость была наигранной.

Кристина молча подошла к отцу и, по-прежнему не говоря ни слова, стала помогать ему с сервировкой стола. Я не понимала поведения девушки. Вроде ей семнадцать лет, но ведет она себя как избалованный тринадцатилетний подросток, стремящийся доказать своим вызывающим поведением собственную значимость. Игорь Сергеевич утверждал, что его дочь молчалива и необщительна, однако я успела убедиться в том, что, когда хочет, Кристина разговаривает.

Вообще, исходя из слов Куликова, я составила свое собственное представление о девушке, и это представление было явно ошибочным. Я-то полагала, что Кристина — этакая скромная тургеневская барышня, глазки в пол, книжка в руках да печаль в глазах. Однако на самом деле девица оказалась чересчур агрессивной и... злобной.

Что с ней не так? Почему она так ведет себя? Может, ревнует меня к отцу? А что, вполне может быть. Вероятно, Кристина решила, что нас с Игорем Сергеевичем связывают отнюдь не дружеские отношения, вот и стала показывать мне, что появлению новой женщины в доме не рады. Тогда надо убедить ее, что Куликов мне не интересен, как и я ему. Может, тогда я смогу по-человечески поговорить с девушкой?

Игорь Сергеевич поставил на стол три тарелки с жареной картошкой и курицей, вместе с дочерью они сели на стулья. Мы принялись за ужин.

За едой никто не проронил ни слова. Куликов ел с аппетитом, Кристина жевала с таким видом, словно и картошка, и мясо не имели никакого вкуса. С таким выражением лица можно есть разве что пластмассу, отметила я про себя. Впрочем, девушка доела свою порцию до конца, встала из-за стола, бросила сухое «спасибо» и вышла из кухни. Ее пустая тарелка осталась на столе. Я-то думала, что она сразу вымоет за собой посуду, однако Кристина даже не убрала столовые приборы в раковину. То ли она не желала находиться в моем обществе, то ли такое поведение за столом было в порядке вещей, пока было не ясно.

Когда девушка вышла, Игорь Сергеевич тихо спросил меня:

— Вам удалось поговорить с Кристиной?

— Даже не знаю, как ответить на этот вопрос, — проговорила я. — И да, и нет.

— Она молчала? — скорее утвердительно, нежели вопросительно, произнес Куликов.

Я покачала головой:

— Нет, Кристина оказалась весьма разговорчивой. Она ясно дала понять мне, что не желает беседовать со мной и вообще терпеть мое присутствие в вашем доме. Не знаю почему, но ваша дочь сильно на меня злится.

— Неужели? — удивился тот. — Кристина? Да она в жизни ни на кого не обижалась! Может, вы что-то путаете?

— Нет, не путаю, — я пересказала Игорю Сергеевичу наш короткий разговор.

Куликов был поражен.

— Я поговорю с ней, — наконец произнес он. — Кристина вела себя с вами просто вызывающе! Не могу в это поверить...

— Мне нет причин лгать вам, — проговорила я. — Я решила, что Кристина попросту ревнует меня к вам. Она могла подумать, что мы с вами не просто знакомые.

— Глупость какая! — воскликнул Куликов. — Это же бред чистой воды!

— Для вашей дочери это как раз не глупости, — возразила я. — У нее богатое воображение, как, впрочем, у всех подростков. Хотя Кристина уже вышла из подросткового возраста, однако ведет себя именно так.

— Я поговорю с ней сегодня и объясню, что ее подозрения беспочвенны, — пообещал Игорь Сергеевич. — Скажу, что привел вас, чтобы вы помогли ей с работой. Вы ведь говорили, что

вам якобы требуется человек со знаниями литературы?

— Да, я собиралась предложить Кристине поработать у меня, — кивнула я. — Решила, что ее заинтересует перспектива применить свои знания в жизни. Но она и слушать меня не стала...

— Что ж, я сделаю все возможное, чтобы убедить дочь в том, что вы искренне желаете ей помочь. Что это я попросил вас устроить Кристину на работу. Только не знаю, как потом вы будете с ней общаться... В смысле где она будет работать? У вас есть библиотека, в которой нужен сотрудник?

— Нет, конечно, — мы говорили почти шепотом, чтобы девушка нас не услышала. — Я хотела сказать ей, что летом мне потребуется помощь, пока она ведь в школе учится. Ну и собиралась с ней познакомиться поближе.

— А, теперь я понимаю, — кивнул Куликов. — Ладно, я вам позвоню завтра. Скажу, что решила Кристина по поводу... гм... сотрудничества с вами. Но вы пока не отказываетесь ехать с моей дочерью в Санкт-Петербург?

— До отъезда я попытаюсь понять, что за странности происходят с Кристиной, если, конечно, с ней действительно что-то происходит. Пока я не могу вам ответить точно на ваш вопрос. Но в случае, если вашей дочери действительно что-то угрожает, я без лишних слов поеду с ней в Санкт-Петербург.

— Спасибо! — с облегчением воскликнул Куликов.

— У меня к вам будет несколько вопросов, — проговорила я. — Во-первых, скажите, Кристина после ужина сразу моет посуду?

Игорь Сергеевич недоуменно посмотрел на меня.

— Не понимаю, почему вы спрашиваете... — сказал он. — Это имеет какое-то значение?

— Возможно, — кивнула я. — Так сразу или нет?

— Обычно да, — произнес Куликов. — Чтобы грязная посуда не скапливалась в раковине.

— То есть сегодня она поступила иначе, — я указала на тарелку девушки. — Кристина даже не убрала ее в мойку. Вы можете объяснить это?

— Ну, мы-то с вами еще не доели, — заметил Игорь Сергеевич. — Зачем по несколько раз мыть посуду? Наверно, она ушла в комнату, чтоб не мешать нам ужинать. Когда мы закончим, она вернется и вымоет тарелки.

— Понятно, — кивнула я. — Кристина когда-нибудь обращалась к психологу или психотерапевту? Прошу вас ответить на этот вопрос честно, это очень важно.

— Нет, зачем ей это? — удивился Куликов. — Кристина здорова, она даже таблетки никогда не пьет. Разве что обезболивающие, и то в редких случаях.

— И депрессиями ваша дочь никогда не страдала? — продолжала расспрашивать я. — Подавленного состояния у нее не было, бессонницы? ■

— Нет, все в порядке с ней! — заверил меня Игорь Сергеевич. — Не понимаю, почему вы это спрашиваете...

— Только для того, чтобы понять, почему ваша дочь столь необычно себя ведет, — спокойно заметила я. — Поверьте, это необходимо для того, чтобы, в случае чего, я могла понять, угрожает ли что-то Кристине или нет.

— Ладно, это ваша работа, — пробормотал Куликов. — Но я вас заверяю, с психикой у моей дочери все в порядке. По крайней мере, было все эти годы.

— Я вас поняла, — произнесла я. — Что ж, тогда я жду вашего звонка после разговора с вашей дочерью. Позвоните мне так скоро, как только сможете. Если у вас не получится устроить нашу встречу с Кристиной, мне нужно будет думать, как расположить вашу дочь к себе.

— Хорошо, я вам обязательно перезвоню, — пообещал Игорь Сергеевич.

Я не стала долго засиживаться в квартире Куликовых — все равно, что могла, я уже сделала. И, приходилось признать, моя первая попытка наладить отношения с Кристиной окончилась неудачно.

Дома я была только в половине десятого вечера. Ждала звонка от Куликова, однако он так и не позвонил.

Настроения смотреть фильмы у меня не было — когда я занимаюсь работой, на увлечения я свое время не трачу. Все-таки отдохнуть

нужно, только если дело раскрыто, а я подозревала, что мне придется ехать в Санкт-Петербург с неразговорчивой Кристиной.

У меня было ощущение, что в семье Куликовых не все так просто, как кажется на первый взгляд, и что дочь Игоря Сергеевича что-то скрывает. Но вот, как подступиться мне к упрямой девчонке, я пока не представляла. Оставалась надежда на то, что Куликов сможет найти подход к своей дочурке, иначе мне придется срочно выдумывать, как втереться в доверие к Кристине...

На следующее утро я проснулась, как обычно, в шесть часов. Первым делом проверила мобильный телефон — нет ли сообщений от Куликова. Но ни эсмэс, ни пропущенных звонков от Игоря Сергеевича не было. Я пожалела, что не знаю, во сколько у мужчины начинается рабочий день. Но, подумав немного, решила звонить ему не раньше девяти утра. В конце концов, мы договорились, что он сам мне позвонит, а раз Куликов забыл сообщить мне по поводу своей дочери, значит, не очень ему нужны мои услуги.

Я не спеша позавтракала, поболтала с тетей Милой о каких-то отвлеченных вещах, потом пошла в свою комнату. От нечего делать решила залезть в базу данных и посмотреть информацию о Куликовых. Однако в сводке ничего любопытного не нашла — узнала только, что у Игоря Сергеевича был старший брат Аркадий. Оба они поступили после школы в машиностроительный техникум, а потом занялись совместным бизнесом.

Интересно, почему Куликов не рассказал мне о брате? Видимо, посчитал эту информацию не особо важной. Однако потом бизнес перешел в руки Игоря Сергеевича, а Аркадий пятнадцать лет назад переехал в столицу. Женат брат Игоря Сергеевича не был, детей не имел. Ни один из братьев к уголовной ответственности не привлекался, Куликов вел бизнес честно и добился больших успехов в делах. Сейчас Игорю Сергеевичу принадлежала сеть ресторанов, и мужчина продолжал развивать свой бизнес.

Как я поняла, со своим дядей Кристина не общалась.

Я просмотрела информацию об Аркадии Сергеевиче. В Москве мужчина занимал руководящую должность и, как я поняла, неплохо зарабатывал. Он приобрел квартиру, раз в год ездил за границу. Словом, в материальном плане жизнь обоих братьев сложилась весьма удачно, а вот с личной жизнью обоим, похоже, не повезло. От Игоря ушла жена, а Аркадий вообще не обзавелся семьей.

Кристина училась в школе номер сорок пять, заканчивала одиннадцатый класс. Другой информации о девушке не было. Сведений о том, что дочь Игоря Сергеевича наблюдалась у психиатра, я тоже не обнаружила, стало быть, от версии о психических заболеваниях девушки мне пришлось отказаться.

В половине десятого утра я позвонила Куликову на мобильный.

■ Он ответил сразу. Я поинтересовалась, пого-